

Ван Е не хотел подробно распространяться о Линь У:

— Однокурсник по Университету, очень важный друг.

— Я советую тебе спросить его мнение, — сказал Ван Хайцы. — Не думаю, что он станет возражать против переезда в место получше.

А он стал бы.

Ван Е знал это и без лишних расспросов.

Для Линь У эта квартира была не просто жильем. Она стала символом, опорой, последней соломинкой, за которую тот цеплялся.

Соломинка не спасает жизнь — она лишь дарит несбыточные иллюзии. Ван Е презирал подобные вещи.

Но именно в этой квартире Ван Е встретил первый в своей жизни Новый год, от которого действительно ждал чего-то хорошего.

— Папа.

Ван Е всматривался в тьму перед собой.

В глубине его глаз на мгновение мелькнула отчаянная бессильная боль, но тут же вновь растворилась во мраке.

— Я никогда у тебя ничего не просил. Это в первый и последний раз: отдай мне эту квартиру.

Просьба.

В безмолвном течении времени.

Ожидание казалось длинным в целый век.

Ван Е вглядывался в глухую ночную тень, куда не проникал ни лунный свет, ни мерцание звезд — каждый сантиметр был объят тьмой.

Наконец из трубки снова раздался голос отца:

— Во всем есть своя очередь. Я уже пообещал Сяо Чэну.

В шесть часов утра личный водитель на «Кайене» Ван Цзиньчэна привез его к роскошному жилому комплексу за пределами территории Школы, где тот снимал квартиру.

Ван Цзиньчэн зажигал в клубе всю ночь и выпил немало, но, то ли из-за отличного настроения, в нем все еще теплились остатки трезвости.

Язык, конечно, уже заплетался, а восторженный пыл зашкаливал, так что всю дорогу он раздавал водителю сбивчивые наставления за жизнь.

Впрочем, каких только пьяниц водитель не перевидал: кто-то ни с того ни с сего хохотал, кто-то

рыдал во весь голос, кого-то тошнило прямо в салоне или срубало на выходе, а иные ругались на чем свет стоит, возомнив себя супергероями. На их фоне Ван Цзиньчэн смотрелся вполне безобидно.

Плавное припарковывание машины на наземной стоянке у дома, водитель вернул ключи клиенту и с чувством выполненного долга удалился.

Ван Цзиньчэн мутным взглядом уставился вслед уходящему водителю. Вспомнив, что всю дорогу тот молчал словно немой и даже не поддерживал разговор, он запоздало вошел в раж и пробормотал сквозь зубы:

— Придурок!

Водитель давно ушел и ничего не слышал.

Зато телефон Ван Цзиньчэна зазвонил едва замолкли его слова.

В ранний час во дворе жилого комплекса царила глубокая тишина: любители ночной жизни уже вернулись, а ранние пташки еще не вышли.

Внезапный грохот оглушительного рингтона заставил Ван Цзиньчэна вздрогнуть.

Не глядя на экран, он нажал на вызов и рявкнул:

— Кто, блин, такой?

— ...Сяо Чэн, — Дядя Цзян, ни за что ни про что получивший порцию ругани, ощутил уколы усталости в своем старом сердце.

Ван Цзиньчэн все же питал уважение к Дяде Цзяну, поэтому качнул головой, отгоняя хмель, и произнес чуть собраннее:

— Дядя Цзян...

Вот только заплетающийся язык подвел, и прозвучало это скорее как «Тетя Цзян».

— Ты пил? — спросил Дядя Цзян.

— Да не-е, — покачиваясь из стороны в сторону, Ван Цзиньчэн поплелся к своему подъезду. — Я только с утренней тренировки...

Слова с трудом пролезали сквозь заплетающиеся губы.

Дядя Цзян с головной болью потер висок:

— Сегодня переоформление прав на квартиру. Ты ведь не забыл?

— Как такое забудешь! — при этих словах Ван Цзиньчэн встрепенулся. — В девять утра! Я прямо дожидаться не могу!

— Прими душ, приведи себя в чувство, — сказал Дядя Цзян. — Скоро я пришлю людей к дому, чтобы тебя забрать...

Не успел он договорить, как Ван Цзиньчэн почувствовал спиной неладное.

Звериное чутье заставило его резко обернуться, но, не успев толком ничего разглядеть, он получил сокрушительный удар кулаком прямо в лицо и отлетел в сторону.

Ван Цзиньчэн тяжело грохнулся на землю, окончательно ошалев. Скулу онемело от боли.

Выпавший из рук телефон отлетел на два метра и ударился о асфальт, покрывшись сетью трещин на экране.

На стыке ночи и рассвета Ван Е стоял в сумеречном свете зари. В его глазах пылал огонь — он походил на демона-асуру, явившегося из самого ада.

Ван Цзиньчэн попытался подняться.

Ван Е сделал шаг вперед, схватил его за воротник и вздернул вверх, подтянув к своему лицу.

— Ты совсем страх потерял? — выцедил Ван Е сквозь сжатые зубы.

Ван Цзиньчэн мгновенно протрезвел наполовину, но испуга не ощутил — наоборот, покорно вися в хватке Ван Е, он лишь злорадно усмехнулся:

— Чего ты так взвился-то? Я ж ничего такого не сделал... Ах да! — он нарочно растянул слова.
— Я купил квартиру твоего однокашника. Как его там? Линь У, кажется? Тск-тск-тск, бедняжка, даже вещи из комнаты забрать не успел. Я велел его папаше нанять старьевщика и всё очистить, так этот его придурковатый отец реально взял под козырек...

Никогда еще Ван Е не испытывал такой ярости.

Очередным ударом сбив Ван Цзиньчэна с ног, он набросился на него и начал жестоко избивать. Не щадя уязвимых мест и не сдерживая сил, он превратил Ван Цзиньчэна в боксерскую грушу, выплескивая всю скопившуюся ярость.

Но источником этой ярости был вовсе не Ван Цзиньчэн.

Она рождалась из собственного бессилия перед происходящим.

Ван Цзиньчэн тоже это понял. И хотя из него выбивали дух, подпитываемый хмелем, он наотрез отказался трусить, как делал это раньше.

— Да ты, блин, кроме как кулаками махать, вообще хоть что-то умеешь?! Ты просто никчемное ничтожество!

— Что ж ты не умолял меня не покупать эту развалюху, а?! Ха-ха-ха, да потому что сам знаешь — даже на коленях умолять бесполезно!

— Если кишка не тонка — забей меня до смерти! А не забьешь — я всю жизнь буду гадить тебе на голову!

— Ты... А-а-а!

Ван Е одним ударом выбил ему два зуба и свернул челюсть.

Без воплей и визга Ван Цзиньчэна вокруг внезапно воцарилась тишина.

Ван Е сидел на Ван Цзиньчэне верхом и продолжал наносить удары.

В мире остались лишь глухие звуки ударов по телу.

Удар.

Еще удар.

Третий...

— Ван Е! — донесся сзади тревожный оклик Дяди Цзяна.

Но остановил Ван Е не сам Дядя Цзян, а привезенные им крепкие молодые помощники, которые силой оттащили его от Ван Цзиньчэна.

Ван Е рвался из рук, но те крепко заломили ему локти, удерживая словно преступника.

Ван Цзиньчэн лежал на земле в крови и не мог даже застонать.

Дядя Цзян повидал на своем веку немало, но даже у него лицо побледнело. Он тут же вытащил телефон и вызвал скорую — когда он называл адрес, его обычно сдержанный и умудренный опытом голос слегка дрожал.

Ван Цзиньчэна отправили в больницу.

Ван Е привезли домой под конвоем.

Оба родителя были дома. Мать, Тянь Жуй, сразу же влепила Ван Е пощечину со всего размаха, так что ногти оставили на его щеке кровавые царапины.

— Это же твой брат! — в ее пронзительном голосе слышались слезы.

Ван Е равнодушно посмотрел на мать:

— Он мне не брат. И я ему не брат.

Хлесткий удар! Еще одна пощечина. Тянь Жуй трясло от гнева.

Ван Хайцы отвел жену на диван, а затем повернулся и влепил Ван Е третий жесткий удар.

В отличие от Тянь Жуй, Ван Хайцы, чье пробужденное семейство животных тоже относилось к тиграм, обладал огромной силой.

Ван Е качнулся от удара, с трудом удержав равновесие, во рту разлился солоновато-сладкий вкус крови.

— С этого момента будешь сидеть в своей комнате и размышлять над своим поведением. В Школу больше не пойдешь, пока твой брат не выпишется из больницы совершенно здоровым, — Ван Хайцы уставился на Ван Е ледяным взглядом. — И если с твоим братом что-то случится...

Ван Е усмехнулся — так же холодно, как и его отец:

— Потребуешь мою жизнь взамен?

Восходило солнце. Теплые лучи заливали землю — начинался новый день.

Терраса была заперта, окна заблокированы. Ван Е лежал на кровати в полностью изолированной спальне, а хрустальная люстра на потолке ярко переливалась в лучах солнца.

Ван Хайцы оставил ему только телефон.

Что ж, большего ему и не требовалось.

Он поднял смартфон и зашел в WeChat. Последнее сообщение пришло полчаса назад:

Линь У: [Фото] [Фото] Парадно-украшенная машина вашего института просто огонь!

На фотографиях были изображены построения всех институтов возле легкоатлетического стадиона перед выходом на парад.

Институт машиностроения, которому Школа поручила создание праздничной машины, не подвел ожиданий. Они сотворили настоящую brutальную конструкцию из сплошных механизмов: в центре возвышался красивый экзоскелетный робот, держащий в обеих руках книгу, символизирующую знания, что сочетало эстетику инженерии и глубину замысла.

Ван Е набрал в ответ: «Уродство».

Возле стадиона Школы построения институтов выстроились в шеренги, ожидая открытия Спортивных соревнований и парадного марша.

Линь У находился в строю, так что свободного перемещения не предполагалось. Ему оставалось лишь вытягивать шею, пытаясь разглядеть Институт машиностроения.

Институт машиностроения и Институт охраны окружающей среды разделяло несколько шеренг. Линь У видел лишь brutальную платформу, а разглядеть людей из Института охраны окружающей среды было невозможно. Он написал Ван Е, но тот долго не отвечал.

Когда ответ наконец пришел, там было всего одно слово: «Уродство».

Линь У аж обидно стало за Институт машиностроения: «Приятель, это же творения вашего Института машиностроения, у тебя есть хоть капля чувства гордости за свой институт?»

Из громкоговорителей Школы раздался бодрый марш.

Парад начинался.

<http://bllate.org/book/18288/1753672>